

Э.В. БАРБАШИНА

(Сибирское отделение РАН, Институт философии и права,
Новосибирск)

Минимизация противоречий учения о вещи самой по себе в рамках философии И. Канта*

Цель данной статьи — проанализировать пути минимизации противоречий кантовского учения о вещи самой по себе. Для этого на первом шаге исследования предполагается зафиксировать основное противоречие, затем критически реконструировать репрезентативные варианты разрешения противоречий, которые представлены в истории осмысления кантовской философии, и, наконец, на основе текстуального анализа выявить пути минимизации противоречий учения о вещи самой по себе в рамках кантовской философии.

Проведем предварительную работу, кратко обобщив наиболее часто воспроизводимые самим Кантом рассуждения на тему вещи самой по себе. Приведенные ниже высказывания Канта дают только первое и самое общее представление о его взглядах на эту проблему и могут быть условно разделены на три группы. К *первой* относятся высказывания, касающиеся

* Работа написана при частичном использовании материалов, подготовленных в рамках участия автора в Программе развития молодых преподавателей (Junior Faculty Development Program), которая финансируется Отделом образования и культурных отношений Государственного департамента США, проводится в соответствии с Fulbright-Lays и администрируется ACTR/ACCELS, а также с использованием материалов, подготовленных в рамках участия автора в международной летней школе «Kant und die erste Kant-Rezeption (1786—1796)», проведенной Internationales Zentrum für Wissenschaftliche Zusammenarbeit при университете г. Тюбингена (ФРГ). Мнения, высказанные автором в этой статье, могут не совпадать с мнениями представителей JFDP и ZWZ.

вещей самих по себе и их характеристик. Ко *второй* — те суждения Канта, в которых раскрывается связь между ними и явлениями. И, наконец, *третья* — высказывания о познаваемости/непознаваемости вещей самих по себе.

Характеризуя вещи сами по себе, Кант пишет о том, что все свойства, связанные с пространством и временем, не могут быть приписаны вещам самим по себе (А 36, В 52). Собственная природа их непознаваема, и понятие вещи самой по себе есть понятие неизвестного объекта (А 104, 109). Объясняется это тем, что пространственно-временные формы связаны с познавательной деятельностью человека (IV 278). Однако вещи сами по себе подлежат необходимым законам (IV 264), т.е. на них распространяется действие законов, которым они соответствуют (В 164). Содержание законов неизвестно, известно только, что они действуют в регионе вещей самих по себе.

Содержание вещей самих по себе становится яснее, если рассмотреть их взаимосвязь с явлениями. В отличие от явлений вещи сами по себе не могут быть наглядно представлены нами; они не даны в опыте, и в опыте «речь о них не заходит» (В 45). Вещи сами по себе коррелируются с явлениями (А 30, В 45), однако первые не могут быть прояснены посредством последних или через описание взаимоотношения между ними (А 49, В 67). Одна и та же вещь может быть отнесена к явлениям и к вещам самим по себе (IV 269). Вещь сама по себе есть сторона явления (А 36, В 52), лежащая вне явления и выступающая как ее основа. В отличие от явлений вещи сами по себе не могут быть субъектом высказываний. Категории к ним не применимы по той причине, что, рассуждая о вещах в себе, нельзя сделать сноску на возможный чувственный эксперимент, и любое подобное применения категорий — незаконно. Несмотря на то что вещи сами по себе коррелируются с явлениями (А 30, В 45), они не познаваемы посредством этих отношений (А 49, В 67).

Рассмотрим противоречие, связанное с кантовским учением о вещи самой по себе, которое в кантоведческой литературе традиционно определяется как основное содержательное про-

1. Теоретические проблемы

тиворечие. В чем его смысл? В самом общем виде оно касается двух взаимоисключающих положений, которые представлены в кантовской философии. С одной стороны, и в «Прологоменах», и в обоих изданиях «Критики чистого разума» Кант подробно объясняет невозможность использования категорий рассудка для определения вещей самих по себе (IV, § 68, 71, 73, 101; A 36, B 52). Запрет на это связан с тем, что применение категорий предполагает соотнесенность с чувственным опытом, который в свою очередь невозможен по отношению к вещам самим по себе. С другой стороны, Кант, рассуждая о вещах самих по себе, постоянно именно это и делает, т. е. применяет к ним категории — субстанция, причина, единство, последовательность и т. д.

Приведенное выше несоответствие между запретом на использование категорий по отношению к вещам самим по себе и соблюдением этого запрета никоим образом нельзя считать случайным или незамеченным самим Кантом. Тема вещи самой по себе присутствует у философа практически на протяжении всего его творчества и играет активную роль в его философских построениях. Уже в «Диссертации» 1770 г. Кант однозначно пишет о том, что благодаря чувствам мы воспринимаем вещи так, как они нам являются (*sicuti apparent*), а благодаря рассудку — как они есть сами по себе (*sicuti sunt*) (II 392). Тем самым пока еще не исключается знание, обладающее объективной реальностью, в котором вещи даны так, как они есть. Во втором издании «Критики чистого разума» разница между вещами как они есть и тем, как они нам являются, раскрыта более подробно. В этой работе общее различие между явлениями и вещами самими по себе не просто прописано, но и конкретизировано в зависимости от разных типов вещей самих по себе.

Вернемся к основному содержательному противоречию учения о вещи самой по себе. Одним из первых, кто обратил на него внимание и детально проанализировал еще в 1787 г., был, как известно, Ф. Якоби — автор работы «Давид Юм о вере, или Идеализм и реализм» (*David Hume über den Glauben*,

oder Idealismus und Realismus)¹. Общий пафос его возражений сводится к тому, что вещь сама по себе играет слишком важную роль в философских построениях Канта, чтобы действительно быть непознаваемой. Ф. Якоби облек свое несогласие с Кантом в форму лозунга, который через два года был воспроизведен Г. Шульцем (G.E. Schulz) в его работе «Aenesidemus»², а затем стал общим началом для критического рассмотрения кантовского учения о вещи самой по себе. «Без этого допущения (вещи самой по себе. — Э.Б.) нельзя войти в систему Канта... и, принимая его во внимание, нельзя оставаться в рамках кантовской философии с этим допущением»³.

В дальнейшем критическое осмысление учения о вещи самой по себе развивалась двумя путями. В рамках первого направления противоречие «решалось» радикальным образом: через отказ от учения о вещи самой по себе. Так, например, поступали и Гегель, и Ницше. Представители второго пути, такие как Д. Бек (J.S. Beck), В. Виндельбанд (W. Windelband), С. Маймон (S. Maimon), К. Рейнгольд (C.L. Reinhold) и многие другие, пытались разрешить противоречие через трансформацию понятия вещи самой по себе и/или посредством корректировки и ретуширования учения о вещи самой по себе в целом.

В. Виндельбанд⁴, стремясь примирить разное содержание понятия вещи самой по себе, а также снять противоречие между запретом на использование понятий рассудка для характеристики этого понятия и фактическим осуществлением этого, предложил так называемую «теорию четырех этапов». В рамках этой теории он обосновывал утверждение о том, что содержание вещи самой по себе радикально менялось в зависимости от конкретного временного этапа развития философии Канта. В кантовской «Диссертации» 1770 г. мир вещей самих по себе соответствует, по мнению автора «этапной интерпретации», субстанциальному миру и является нашей чувственности как мир временного и пространственного опыта, полученный посредством понятий нашего рассудка. Вещью самой по себе называется объект (предмет) мышления — в отличие от объекта чувств. Это *первый этап* учения о вещи самой по себе.

1. Теоретические проблемы

Второй этап относится по времени к «годам тишины», и результаты его представлены в первом издании «Критики чистого разума», причем в большинстве случаев путь, которым они были получены, Кантом в нем не раскрывается. Вещь сама по себе определяется как то, что появляется благодаря активной деятельности нашего интеллекта, в отличие от того, что пассивно получено чувствами. Кант, подчеркивает Виндельбанд, признает существование вещи самой по себе, но утверждает ее абсолютную непознаваемость.

На третьем этапе (1775—1778) вещь сама по себе понимается как самая последняя, высшая ступень в бесконечной цепи явлений. Этот этап назван Виндельбандом «этапом полного отрицания», поскольку отрицается не только возможность познать вещь саму по себе, но и ее существование. Поскольку цепь явлений бесконечна, то понятие вещи самой по себе скорее регулятивно по своему характеру. *Четвертый этап*, согласно оценке Виндельбанда, представляет подлинно кантовское понимание вещи самой по себе. На нем противопоставление вещей самих по себе и явлений соответствует противопоставлению чувственного и сверхчувственного. Противопоставление относится и к существованию, и к познанию. Вещи сами по себе и, соответственно, учение о них необходимы для объяснения свободных действий. Основной недостаток четвертого этапа в развитии учения о вещи самой по себе заключается в том, что он полностью не раскрыт в работах Канта. Следовательно, его приходится частично восстанавливать по текстам философа, но в основном додумывать и дотраивать вместо Канта. Это создаст непреодолимые препятствия для адекватного отображения собственной позиции Канта в вопросе о содержании понятия вещи самой по себе.

Проанализируем критически «теорию четырех этапов» с позиции ее соответствия оригиналу. *Первое возражение* касается утверждения Виндельбанда о том, что понимания вещи самой по себе в первом и во втором изданиях «Критики чистого разума» значительно отличаются друг от друга. Обратимся к текстам и увидим, что и в первом издании «Критики»

(А 251), и во втором (В XXVI), а также в «Прологоменах» (IV 314) и в «Основаниях метафизики нравов» (IV 451) не только признается наличие вещей самих по себе, но и характеризуются они одинаково. Обращение к тексту первого и второго издания свидетельствует также о том, что они не могут быть однозначно противопоставлены друг другу в вопросе о вещи самой по себе (А 30, В 45; А 49, В 67). В обоих изданиях есть рассуждения Канта о том, что вещь сама по себе может быть *основанием* явлений и коррелятом чувственности (А 30, В 45). Аналогичным образом Кант рассуждает в «Прологоменах», когда пишет о том, что посредством чувственности мы знаем объекты чувств только как явления. Но тем не менее мы предполагаем, что есть нечто, служащее *основой* для них (IV 314). В «Основаниях метафизики нравов» также есть указание на то, что вне явлений находятся вещи сами по себе (IV 451) как их *основа*. В то же время Кант многократно указывает, что вещи сами по себе обладают такими качествами, которые не могут быть учтены, когда вещи утверждаются как объекты возможного опыта (А 36; В 52, § 101).

Итак, вещь сама по себе, по мнению Канта, независима от мира наших чувств, от устройства нашей чувственности и находится вне пределов явлений, будучи связанной с некоторыми из них. Понимание вещи самой по себе, предложенное Кантом в более поздних работах («Критика практического разума», «Критика способности суждения»), во многом соответствует его рассуждениям, представленным в первом издании «Критики чистого разума»⁵. В отличие от схожих определений содержания вещи самой по себе в разных работах меняется ее статус и соотношение с явлениями. В первой «Критике» вещь сама по себе вводится как проблематическое понятие, затем становится необходимой по эпистемологическим причинам, а в последних двух «Критиках» вещь сама по себе получает объективную (в кантовском смысле) реальность.

Сформулируем *второе возражение*, которое представляется более существенным. Оно касается утверждения Виндельбанда о том, что Кант в своих работах, появившихся после

1. Теоретические проблемы

первого издания «Критики чистого разума», не представил *развернутого* понимания вещи самой по себе. Даже основываясь на перечисленных выше текстах, уже можно сделать вывод о том, что понятие «вещь сама по себе» часто фигурировало в работах Канта. И, наконец, самое *главное возражение* по поводу «теории четырех этапов» связано с тем, что она не снимает и не разрешает каким-либо образом противоречия между запретом Канта на применение категорий по отношению к вещам самим по себе и тем, что в своих текстах именно это он и делает.

Попытки «примирить Канта с самим собой» предпринимались многократно в истории философии и в современности. Один из вариантов «примирения противоречий» в учении о вещи самой по себе был представлен Б. Баухом (Br. Bauch)⁶. Этот вариант интересен тем, что Б. Баух в отличие от многих других, которые только опираются на тексты Канта, дорабатывает, достраивает его философию. Выход из противоречивой ситуации, сложившейся вокруг вещи самой по себе, Баух видит в разделении рассудка на «наш рассудок», от которого вещь сама по себе не зависит, и на «чистый рассудок», в котором она укоренена. Однако ни опубликованные тексты Канта, ни его черновые наброски, ни письма не дают, на наш взгляд, достаточного повода для серьезных размышлений о разделении рассудка «на наш» и тот, в котором укоренена вещь сама по себе, то есть «не наш», «чужой» рассудок. Кроме того, мысль о всеобщей укорененности всех вещей самих по себе в рассудке, пусть даже и «не нашем», не находит подтверждения в текстах Канта.

С. Риститш (S. Ristitsch), один из последователей кантовской философии, также пытается разрешить внутренние противоречия в учении о вещи самой по себе через разделение ее разных значений⁷. По его мнению, во-первых, существуют вещи сами по себе, основной характеристикой которых выступает отсутствие пространства и времени. Во-вторых, есть понятия вещей в целом, которым не соответствуют объекты интуиции, поскольку по отношению к этим понятиям не было

проведено схематизирование. И эта характеристика, а точнее отсутствие схематизирования, есть основание для выделения второго типа вещей самих по себе. И, наконец, в-третьих, автор указывает на наличие идей разума (*Vernunftideen*), которым в принципе не могут соответствовать никакие объекты опыта.

Важно обратить внимание на то, что первый вариант интерпретации вещей самих по себе в данной классификации акцентирует существенные признаки ноуменов, а не вещей самих по себе. Вторая ипостась вещей самих по себе, которая предложена С. Риститшем и фигурирует как вещь сама по себе, не есть подлинная вещь сама по себе. Дело в том, что вещь в целом получается путем абстрагирования от всех конкретных, чувственных характеристик и, следовательно, есть логическое понятие⁸. Естественно, вся классификация не может быть признана корректной хотя бы потому, что два члена деления содержательно не соответствуют изложению этой проблемы в текстах Канта.

Перечисление персонифицированных интерпретаций кантовского учения о вещи самой по себе может быть значительно расширено, поскольку эта тема неизменно оставалась в круге внимания философов и в XIX, и в XX вв.⁹ Определение самого содержания противоречия принципиально не изменялось — в отличие от акцентов в его интерпретации. Например, трансформировалось представление о характере вещи самой по себе, на который не обращали достаточного внимания. Достаточно указать в связи с этим, что с момента выхода в свет первого издания «Критики чистого разума» под прицелом критического интереса исследователей оказались проблемы приложения категорий к вещам самим по себе в процессе познания. Затем внимание исследователей распространилось также на вещь саму по себе вне проблемы ее познания. Существенным толчком к такому пониманию послужила публикация второй «Критики». После публикации основных работ Канта появились дискуссии о видах вещей самих по себе. Предлагались различные классификации, в рамках которых

1. Теоретические проблемы

выделялись вещи в себе, понимаемые как идеи; вещи в себе, понимаемые как субстраты одушевленных тел или субстраты неодушевленных тел. Следующий вариант классификации в качестве основания деления опирался на связь (ее наличие или отсутствие) между явлениями и вещами самими по себе.

В целом же содержательные акценты в изучении вещи самой по себе могут быть классифицированы в исторической последовательности следующим образом. В конце XVIII в. и на протяжении XIX в. основными темами в изучении вещи самой по себе были следующие: соотношение вещи самой по себе с явлениями; проблемы и способы познаваемости вещей самих по себе; правомерность применения категорий по отношению к вещам самим по себе. Эти темы характеризуются явной связью с общей проблематикой теории познания. В XX в. вещь сама по себе исследуется в большей степени в рамках онтологического подхода, а также как составная часть всей метафизики Канта. Наиболее наглядно это содержится в работах Н. Гартмана, Х. Хейзе (H. Heuze)¹⁰, Х. Хаймсоtha (H. Heimsoeth)¹¹, Д. Карра (D. Carr) и др. В этих же работах были предложены основные подходы, которые разрабатываются в современной философской мысли относительно снятия основного противоречия в учении о вещи самой по себе.

Правомерность рассуждений о вещи самой по себе в рамках кантовской философии. Основное противоречие, как было указано выше, в целом основывается на противоречии между запретом на применение категорий по отношению к вещам самим по себе и тем, что это осуществляется самим Кантом практически во всех его текстах. Варианты обозначенного противоречия конкретизируются в следующих суждениях: если вещь в себе непознаваема, каким образом и на основании чего Кант утверждает, что она не есть в пространстве и времени или что она вообще существует; если вещь сама по себе есть вне пространства и времени, то каким образом она выступает в качестве причины репрезентаций, которые, в свою очередь, есть в пространстве и времени; если нечто является в пространстве и времени, то что есть нечто до того, как оно стало являться.

Каким образом может быть снято или хотя бы нивелировано данное противоречие и тем самым обоснована корректность рассуждений о вещи самой по себе в рамках кантовской философии? Прежде чем перейти непосредственно к аргументации относительно этой возможности, зафиксируем результаты, полученные и проверенные в современном кантоведении. *Первый* из них касается того, что кантовское понимание вещи само по себе многозначно и по содержанию, и терминологически. Содержание меняется от контекста рассуждений наиболее часто в тех случаях, когда речь идет о метафизическом или эпистемологическом ракурсе вещи самой по себе. Терминологическое многообразие может быть продемонстрировано не только терминами, которые связаны с вещью самой по себе («вещь в себе», «вещь как она есть на самом деле»), но и такими, как «трансцендентальный объект», «ноумен», «трансцендентальный объект X», «не-эмпирический объект» и др. *Второй* результат связан с вопросом о количестве миров, а точнее с тем, что серьезно рассматриваются только две возможности: один мир или два мира. В первом случае вещи сами по себе и явления есть разные стороны одного и того же. Во втором случае предполагается два мира: мир вещей самих по себе и мир явлений.

Сформулируем предположение о том, что, основываясь на текстах Канта, *возможно минимизировать противоречия учения о вещи самой по себе*, однако полностью снять все нестыковки и ответить на все вопросы не представляется возможным. Аргументация в защиту кантовского учения о вещи самой по себе развивается в непротиворечащих друг другу направлениях: разделение вещей самих по себе и явлений как сторон одной и той же вещи, применение аналогий для описания вещи самой по себе, учет разницы между схематизированными и несхематизированными категориями, знанием и думаньем. Это не единственные возможности, однако в отечественном кантоведении именно они представлены в сравнительно незначительном объеме.

1. Теоретические проблемы

Рассмотрим первую линию обоснования правомерности кантовского учения о вещи самой по себе. Выдвигаемый тезис заключается в том, что вещь выступает родовым термином для вещи самой по себе и явления. Причем критерием различности выступает отношение к познавательной деятельности человека, возможность быть представленным в опыте. Явление выступает как внешняя сторона познаваемой вещи. В отличие от так понимаемого явления, вещь сама по себе есть то, что не зависит от нашего познания. Вещь сама по себе и явление — это два разных способа рассуждать об одном и том же, как вполне справедливо формулирует Г. Бёрд (G. Bird). Д. Дрэйер (D.R. Dryer) многократно подчеркивает в своих текстах, что кантовское различие между вещью самой по себе и вещью, как она познается (т.е. явлением), есть различие между тем, как одна и та же вещь соотносится с чувствами, и тем, как она не соотносится. Рассуждать о явлениях — значит рассуждать с определенной точки зрения, а именно — с позиции того, как они представлены в человеческом опыте. Поэтому вещь сама по себе не есть причина, скрывающаяся за явлением, а та же самая вещь, только утверждаемая не с точки зрения опыта человеческого существа. При таком разграничении вопрос о том, как вещи сами по себе выступают в качестве причин явлений, не снимается.

Возможно иначе провести обоснование правомерности кантовского учения о вещи самой по себе, привлекая для прояснения не только «официальные» кантовские тексты, но и его рукописное наследие. В качестве исходного суждения принимается суждение о том, что явления и вещи должны отличаться друг от друга, и отличие проявляется в том, как нечто является и как оно есть само по себе (В 69; R 5295, R 5292). Во втором случае, т.е. когда речь идет о вещи самой по себе, исключаются какие-либо связи или отношения, иными словами, предполагаются вещи, которые абсолютны по своему характеру (А 284; В 340). Они существуют сами по себе, вне отношений, «не нуждаются в аккомпанементе», их существование характеризуется одним словом — «одинокость» (*loneliness*)¹².

По своей сути идея вещи, которая существует абсолютно, есть идея субстанции, которая есть абсолютное нечто (R 5292; R 5295). Кант уточняет, что речь идет о понятии субстанции в целом, с целью дистанцироваться от схематизированного понятия субстанции (A 147; B 186). В отличие от акциденции субстанция имеет внутреннюю природу, нечто внутреннее (*etwas Inneres*), что независимо от каких бы то ни было внешних отношений, от чего-либо внешнего (*äußere Verhältnisse*) (A 274; B 330). Если вещи сами по себе существуют вне отношений к другим вещам, они есть субстанции, которые имеют внутренние качества; в отличие от них явления — то, что находится в отношении к чему-либо. Причем отношение к мышлению, к чувственности — только частный случай отношений вообще. Разница между вещью, которая характеризуется отношениями, и вещью как она есть сама по себе есть разница между вещью как явлением и вещью как вещью самой по себе. Одна и та же вещь может быть описана (но не узнана!) и как вещь сама по себе, и как феномен, или одна и та же вещь может иметь отношения и внутренние качества.

И здесь *первое*, очень важное, уточнение касается того, что Кант различает феномены и субъективные явления, когда рассуждает в эпистемологической плоскости. Феномены — это явления, которые объективны (в кантовском смысле), т.е. когда явления познаются как объекты в соответствии с единством категорий (A 249), когда они находятся в отношении к познающему. *Второе* важное уточнение связано с разницей между познанием и думаньем. Вещи сами по себе, как пишет Кант, могут быть двух видов: *первые* — те, которые соотносятся с явлениями, *вторые* — те, которые не соотносимы с чувственностью, но могут тем не менее быть помыслены посредством рассудка. Что значит «помыслены» в отличие от «познаны»? В чем Кант видит разницу между думаньем (*Denken*), познанием (*Erkenntnis*) и знанием (*Wissen*)? Думанье есть объединение представлений (*Vorstellung*) в сознании. Думанье определяется Кантом как деятельность рассудка при отсутствии чувственных данных (A 249; B 309). Необходимым

1. Теоретические проблемы

условием познания предметов является доказательство их возможности (*Möglichkeit*) — или на основании опыта, или на основании априорного познания разумом. В отличие от познания, мыслить можно гораздо большее, в конечном итоге — «что угодно, если только я не противоречу (в логическом смысле. — Э.Б.) себе, т.е. если только мое понятие есть возможная мысль...» (В XXVI). Кант считает, что вещи сами по себе, как минимум, можно *мыслить*, поскольку их использование в процессе думанья не увязано с чувственностью (В 166).

В контексте двух вышеприведенных уточнений становится понятным, что было бы абсурдно, рассуждая о кантовской философии, отрицать существование вещей самих по себе; и в то же время не менее абсурдно считать их познаваемыми. Кант многократно подчеркивает, что вещи сами по себе и субстанции непознаваемы. У нас нет возможности проникнуть во внутреннюю природу вещей (А 277; В 333). Но хотя мы не можем знать вещи сами по себе, мы способны думать о них как о вещах самих по себе. Мы знаем о том, что они есть, но не знаем их, не знаем, как они есть сами по себе. Эта разница фиксируется в следующих суждениях. Согласно Канту, мы знаем, что вещи сами по себе существуют; более того, посредством явлений мы получаем информацию о вещах самих по себе. Они выступают как основание, но не как причина в пространственно-временном контексте для явлений. В противном случае мы приходим к «абсурдному» заключению о том, что могут быть явления без бытия того, что нечто является (В XXVI), т.е. без бытия вещей самих по себе.

В текстах Канта есть однозначные формулировки того, что вещь сама по себе и явление — две стороны одного и того же. По его мнению, следует понимать, что «понятие явления... свидетельствует о разделении объекта (вещи) на феномены и ноумены, причем таким образом, что дистинкция относится не только к логической форме наших знаний... но и к тому способу, которым они действительно отличаются друг от друга. ...Если чувства репрезентируют нечто как явление, это нечто

должно быть также и вещью самой по себе» (А 249). Из понятия явления следует, что должно быть нечто, что не есть явление, но что с ним соотносится, и это должно быть нечто само по себе (А 251—252). Подлежащее явлению, т. е. вещь сама по себе, не просто возможно, но и необходимо (IV 314—315). Эта же мысль представлена Кантом в последнем пассаже «Прологомен». Автор однозначен в разделении утверждения, что вещи сами по себе существуют независимо от суждений о том, как они существуют. Хотя мы не можем знать, каковы вещи сами по себе, как они есть сами по себе (*wie es an sich beschaffen sei*), какова их внутренняя природа, мы по меньшей мере знаем о существовании вещей самих по себе (*das Dasein von Dingen an sich selbst*).

Несоответствия кантовского учения о вещи самой по себе могут быть минимизированы как посредством приведенных выше рассуждений, так и через использование рассуждений по аналогии. Рассмотрим данный путь на одном из примеров рассуждений Канта о Боге. Подобным образом Кант рассуждает и о свободе, и о бессмертии души. Опираясь на тексты Канта, зафиксируем два важных момента. *С одной стороны*, всегда есть ограничение: указание на то, что Бог, бытие Бога, его характеристики не могут быть познаны человеческим рассудком в силу конечности последнего. Более того, Кант постоянно подчеркивает огромную пропасть, разделяющую рассудок человека и Бога (XVIII 534). Отличия между божественным рассудком и рассудком человека заключаются в том, что первый знает вещи сами по себе и не привязан к чувственности. По своему характеру божественный рассудок интуитивен — в отличие от дискурсивного человеческого рассудка. *С другой стороны*, в текстах Канта при описании божественного рассудка употребляется слово «рассудок», хотя характеристики и функции человеческого и божественного рассудков радикально различаются. В работах Канта помимо рассуждений о божественном рассудке можно найти описание воли Бога и его созидательной деятельности (V 100, 125). Кант подчеркивает, что когда мы говорим о Боге как об авторе и созидателе, зна-

1. Теоретические проблемы

чение этих слов (*автор, создатель*) нам дано на основе нашего человеческого опыта. Автор-человек создает нечто из исходного материала. Бог, в отличие от этого, создает из ничего (*creatio ex nihilo*).

Подобные примеры несоответствий могут быть продолжены. Так, в «Трансцендентальной аналитике» «Критики чистого разума» объясняется, что категории, в том числе и модальные, могут применяться только по отношению к объектам возможного опыта, но не к вещам самим по себе. Бог, безусловно, не есть и никогда не будет объектом опыта. Тем не менее обсуждается его возможность, актуальность, необходимость. И здесь появляется вполне закономерный вопрос о том, откуда же у нас, людей, которые обладают принципиально отличным от божественного рассудка рассудком человека, есть знание об этом? Насколько корректно в этой ситуации не только рассуждать о *рассудке* Бога, но и называть его *созидателем, автором и творцом*? Точно так же встает вопрос о том, насколько позволительно применять к нему категории, в том числе и модальные категории?

Одним из возможных путей для соотнесения характеристик человека и Бога является, по мнению Канта, а также в соответствии с предшествующей традицией, аналогия. Рассуждения по аналогии предполагают некоторую общность между тем, что сравнивается, т. е. какую-то общность, которая делает сравнение корректным. В аналогии, как недедуктивном умозаключении, суждение о присущности признака некоторому объекту выводится на основании сходства этого объекта с другим объектом. В данном случае образцом аналогии выступает конечный человеческий рассудок, а субъектом аналогии — рассудок Бога. Проверим, насколько корректно предположение Канта об использовании аналогии, учитывая ту огромную пропасть между человеческим рассудком и божественным, которая постоянно фиксируется в текстах Канта.

Мысль о возможности аналогии четко выражена Кантом в маргиналии к лекциям Б. Эберхарда (B. Eberhard), который писал о том, что конечный рассудок (рассудок человека. —

Э.Б.) представляет не все, не одновременно и не ясно. В отличие от такого рассудка беспредельный рассудок, т.е. божественный, представляет все, осуществляет это ясно и одновременно. Конечный и бесконечный рассудки есть гетерогенные величины, не имеющие ничего общего (XIII 534). К этим рассуждениям Б. Эберхарда Кант добавляет свой комментарий, из которого явствует его позиция по этому вопросу. Он рассуждает методом от противного и пишет о том, что если бы было так, как об этом писал Б. Эберхард, мы были бы не в состоянии использовать понятия нашего рассудка для представлений о божественном (R 6260). Другими словами, подразумевается некоторая возможность (но не проясняется до конца, в чем она состоит) для соотнесения нашего рассудка и божественного, а значит, общность, которая дает основу этим рассуждениям. В чем же заключается эта возможность? Ответ Канта однозначен — в рассуждениях по аналогии.

Указание на аналогию как на путь получения характеристик Бога мы находим не только в указанных выше маргиналиях, но и в лекциях по «Метафизике» Баумгартена, «Лекциях по философии религии Политца», в третьей «Критике» (V 465). Однако для того, чтобы перейти на уровень аналогии, следует совершить предварительные процедуры. Сначала посредством отрицания удаляются все ограничения, обусловленные чувственностью, т.е. происходит освобождение от того, что связано с феноменами. Потом полученное содержание возводится в превосходнейшую степень. Затем, на третьем шаге, в отличие от представлений Эберхарда, причинность заменяется Кантом аналогией. Этот третий шаг как раз и отличает кантовский путь от того, по которому движется понимание Бога у Эберхарда (XVIII 554).

В рамках историко-философских исследований предлагался и другой вариант решения вышерассмотренного несоответствия между невозможностью применять категории по отношению к вещам самим по себе и тем, что это происходит в текстах Канта. Этот путь заключается в учете разницы между схематизированными и несхематизированными категориями.

1. Теоретические проблемы

Сразу оговорюсь, что данный путь минимизации противоречий кантовского учения о вещи самой по себе является в некоторой степени сомнительным, поскольку нет явных текстуальных подтверждений такой возможности.

Суть предлагаемого решения заключается в том, что схематизированные категории применяются к явлениям, а чистые — к вещам самим по себе. Все схематизированные категории связаны с временными условиями своей употребимости. Рассмотрим это на примере категории причинности. *A* есть причина некоторого события *B* (в соответствии со схематизированием категорий) тогда и только тогда, когда *B* следует во времени после *A*. Все подобные явления типа *B* также следуют после подобных явлений типа *A*. Однако схематизированные категории не могут быть применимы к тому, что есть вне времени и пространства, т.е. к вещам самим по себе. К ним применяются только несхематизированные категории, например чистая несхематизированная категория причинности. В этом случае она есть понятие того, что существование вещи самой по себе — основа для существования чего-либо другого. Вещи сами по себе есть основа наших представлений (в третьей антиномии — действий).

По этому пути минимизации противоречий учения о вещи самой по себе продвигались Вундт и Паульсен. Свои рассуждения они выстраивали на основе того, что понятия, чистые по своему происхождению, только после схематизирования применимы к пространственно-временным явлениям. Это открывает, если рассуждать обратным методом, еще одну возможность для описания вещей самих по себе. Если к явлениям приложимы схематизированные понятия, то к вещам самим по себе, в частности к Богу, к описанию его бытия, — чистые категории. И бытие Бога может мыслиться посредством них, но не быть познанным¹³.

Обратимся к текстам Канта для выяснения степени корректности рассуждений, которые впервые были предложены Вундтом и Паульсеном. В обязанности рассудка, по мнению Канта, входит упорядочивание того, что получено благодаря

априорным формам чувственности. Вывод о невозможности чисто трансцендентального *применения* понятий обосновывается в третьей главе второй книги «Аналитики основоположений», озаглавленной «Об основании различения всех предметов вообще на *Phaenomena* и *Noeumena*» (В 296—230).

Всякое понятие при эмпирическом употреблении рассудка требует логической формы понятия и возможности дать предмет, к которому бы это понятие применялось. «Таким образом, все понятия и вместе с ними все основоположения, хотя они и возможны а priori, тем не менее относятся к эмпирическим представлениям, т.е. к данным для возможного опыта» (В 298). Как условия опыта понятия обязательны в деятельности субъекта по производству истины. «Ни чувственность, ни рассудок, взятые порознь, не могут дать знания. Кант отнюдь не оригинален, когда показывает, что именно рассудок осуществляет функцию единства в познании... Но вот тезис о том, что понятия рассудка сами по себе бессодержательны и что содержание им дает лишь чувственность, отличает кантовскую теорию познания от предшествующей»¹⁴. Возвращаясь к вопросу о степени корректности предлагаемого решения, еще раз подчеркнем, что, основываясь на текстах Канта, такую возможность исключить нельзя. Однако она не находит явного текстуального подтверждения.

Кант действительно применяет категории к вещам самим по себе. Но роль аналогии прописана им более четко, чем процесс и особенности использования чистых категорий. *Во-первых*, потому что нет сколько-нибудь ясного и подробного раскрытия механизма того, как применять не схематизированные рассудком категории к вещам самим по себе (как это предлагают делать Вундт и Паульсен). *Во-вторых*, аналогия раскрывает сложный механизм использования и других характеристик, кроме категорий, по отношению к вещам самим по себе. Путем аналогии, по мнению Канта, мы можем рассуждать не только о таких характеристиках Бога, как единство, причинность, возможность, актуальность, необходимость, но также и о рассудке Бога, его воле, спонтанности. Более того, аналогия

1. Теоретические проблемы

открывает принципиальную возможность характеризовать вещи сами по себе. Причем эта возможность распространяется и на идеи разума (Бог, свобода, бессмертие), и на вещи сами по себе в узком смысле слова (субстраты неодушевленных явлений), и на конечное метафизическое существо (человека). Сама возможность наиболее сложного, по мнению Канта, пути применения аналогии для получения сведений о Боге была проанализирована выше.

Характеристики вещей самих по себе. Что же относится к общим характеристикам кантовских вещей самих по себе? Основываясь на кантовских текстах, позволительно рассуждать о них как о причинах явлений, об их опосредованном через явления воздействии на наши чувства, об их существовании. Другими словами, помимо того, что вещи сами по себе есть, они могут выступать основаниями для явлений. Причем если для явления связь с вещью самой по себе является обязательной, то вещь сама по себе может и не иметь соответствующего ей явления (В 308). Следующей общей характеристикой вещей самих по себе выступает их независимость от нас. Их бытие, в отличие от явлений, независимо ни от нашей спонтанности, ни от воли, ни от процесса их узнавания (R 4135; R 5981). Вещи сами по себе подчинены также собственным законам (В 164), а значит, можно предположить (и только) отсутствие хаоса или некоторую упорядоченность среди вещей самих по себе.

Вещи сами по себе созданы Богом, что также отличает их от явлений (V 102). В «Критике способности суждения» уточняется, что понятие созидания — регулятивное, а не конститутивное. Это уточнение важно, поскольку отличает позицию Канта от взглядов представителей натуральной теологии.

В текстах Канта мы находим и более частные характеристики вещей самих по себе, т.е. такие, которые могут быть приложимы только к одному какому-либо типу вещей самих по себе. Однако выявление таких характеристик — более чем спорная тема, и все сделанные попытки в этом направлении не были успешными. Достаточно вспомнить в связи с этим раз-

ночтения по поводу употребления таких понятий, как *единство*, *общность*, *множество* и др. Э. Адикес, например, считает и доказывает, что понятие единства используется при характеристике Бога, а общность — при характеристике целостности конечного разумного существа. Однако существует прямо противоположное мнение, обосновываемое Г. Мартином, о том, что категории общности и единства используются Кантом только по отношению к вещам самим по себе в узком смысле слова¹⁵.

Итак, несмотря на действительную сложность и противоречивость кантовского учения о вещи самой по себе, оно остается значимым для Канта и, соответственно, важным для адекватного понимания его философии. *Основные проблемы учения Канта о вещи самой по себе вызваны противоречием между употреблением категорий по отношению к вещам самим по себе (Богу, свободе, бессмертию, к вещам самим по себе в узком и широком смыслах) и запретом на это; между пониманием вещей самих по себе как причин явлений, т. е. пониманием, как нечто вне времени и пространства может быть причиной того, что является во времени и пространстве, а также с невозможностью однозначно терминологически разделить и определить значение терминов, связанных с вещью самой по себе, и т. д. Минимизировать вышеприведенные противоречия предлагается путем рассмотрения явлений и вещей самих по себе как сторон одной и той же вещи путем аналогий и текстуально-содержательных конкретизаций характеристик ноуменов, вещей самих по себе, трансцендентальных объектов и т. д.*

¹ *Jocobi H.F. David Hume über den Glauben, oder Idealismus und Realismus. Über den transzendentalen Idealismus* // Werke. 1815. Vol. 2. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968.

² *Schulze G.E. Aenesidemus, oder über die Fundamente der von dem Herrn Prof. Reinhold in Jena gelieferten Elementarphilosophie, nebst einer Verteidigung des Skeptizismus gegen die Anmassungen der Vernunftkritik.* Helmstedt, 1792. (Berlin, 1911).

1. Теоретические проблемы

³ *Jacobi H.F.* Op. cit. S. 304.

⁴ *Windelband W.* Über die verschiedenen Phasen der kantischen Lehre vom Ding-an-sich // Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie und Soziologie I (1877). S. 224—266.

⁵ Полный сравнительный текстуальный анализ высказываний Канта о вещи самой по себе см. в: *Adickes E.* Kant und das Ding an sich. Berlin: Pan Verlag Rolf Heise, 1924.

⁶ *Bauch Br.* Kant. Berlin, 1916. S. 110—118.

⁷ *Ristititsch S.* Die indirekten Beweise des transzendentalen Idealismus // Kant-Studien. Ergänzungsheft 16 (1910).

⁸ Развернутое доказательство некорректности данной классификации см. более подробно: *Gram M.* The Transcendental Turn (The Foundation of Kant's Idealism). Florida, 1984. P. 260.

⁹ Работы, относящиеся к XIX в., представлены именами следующих авторов: P. Carus, H. Cohen, B. Erdmann, J.I. Findlay, K. Fisher, W. Harris, F. Jacobi, R. Nakashima etc; к XX в.: *Allison H.* The non-spatiality of the Things in Themselves for Kant // Journal of the history of philosophy. 1976. 4. P. 313—321; *Allison H.* Things In themselves, Noumena and the Transcendental Object // Dialectica. 1978. 32. P. 41—76; *Aquila R.* A priori Form and a priori Knowledge in the Transzendental Aesthetic // Akten des 5. Internationalen Kant-Kongresses. Bonn: Bouvier Verlag Herbart Grundmann, 1981; *Brysz S.* Das Ding an sich und die empirische Anschauung in Kants Philosophie. Halle: Erhardt Karras, 1913. Также следует обратить внимание на работы русскоязычных авторов, занимающихся проблематикой вещи самой по себе: Л.А. Абрамяна, Л.А. Калинникова, В.А. Чалого.

¹⁰ *Heuse H.* Der Begriff der Ganzheit und die kantische Philosophie. München, 1927.

¹¹ *Heimsoeth H.* Studien zur Philosophie Immanuel Kants. Köln: Kölner Universitäts-Verlag, 1956; *Heimsoeth H.* Transendentale Dialektik. Berlin: Walter de Gruyter & Co, 1966.

¹² Термин введен и обоснован: *D. Lewis.* Extrinsic Properties // Philosophical Studies. 1983. 44. P. 197—200.

¹³ Анализ приложения чистых категорий к бытию Бога впервые представлен в работах Вунда и Паульсена. См. об этом: *Martin G.* Kant's Metaphysics and theory of Science. Manchester, 1955. P. 196.

¹⁴ *Гайденко П.П.* История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М.: ПЕР СЭ; Университетская книга, 2000. С. 329.

¹⁵ *Martin G.* Kant's Metaphysics and Theory of Sciences. P. 127.